

структуры и в характерных частностях. Анализ «типических мест» позволяет определять, кому из сказителей принадлежит та или иная былина, если известны свойства и характер «общих» мест у сказителей.

Этот способ открывает большие возможности для разъяснения спорных вопросов науки (в частности, для анализа знаменитого сборника былин Кирши Данилова). П. Уховым высказано много любопытных соображений по поводу «паспортизации» былин. Надо полагать, в новых работах автор даст разъяснение того, как бесспорные, на наш взгляд, наблюдения над индивидуальными свойствами «типических мест» увязываются со столь же бесспорными и не менее правильными наблюдениями над общей коллективной творческой природой «типических» формул.

Статья П. Ухова свободна от недостатка, который присущ сборнику в целом. Недостаточная конкретность теоретических суждений мирно уживается здесь с эмпирией. Теоретический анализ, утрачивая свою конкретность, явно уступает место узко эмпирическому подходу в изучении фактов. Это и придает сборнику характерный «фактически-эмпирический» профиль. Слов нет, изучение «частностей», архивные разыскания, увлечение все новыми и новыми фольклорными записями, их публикация — дело серьезное, но это направление научно-исследовательской мысли все же не может приблизить фольклористику вплотную к решению сложнейших историко-теоретических проблем.

Сборники, выпускаемые сектором народного творчества Института русской литературы Академии наук СССР, являются тем изданием, где сосредоточивается публикация исследований и материалов по русскому фольклору, и тем важнее в этом издании устранить недостаток, присущий многим книгам о фольклоре. Не становится ли общее поверхностное теоретизирование при господстве эмпирии преградой на пути развития науки о фольклоре?

В. АНИКИН

КНИГА НА МНОГИЕ ГОДЫ*

Выход книги Корнея Ивановича Чуковского — во многих отношениях явление примечательное. Перед нами исследование, вобравшее в себя статьи, написанные в 20—30—40-х годах... Ушла в прошлое формалистическая, вульгарно-социологическая накипь, и никто не вздумает сейчас переиздавать труды этих буйных в свое время школ. А наряду с ними, в борьбе с ними росло то, что и поныне живо, актуально в буквальном и точном значении этого слова.

Случайность ли это, издание Гослитиздатом избранных статей К. Чуковского, или за этим скрывается разумный план — отобрать из затерявшихся на книжных полках сборников и журнальных номеров наиболее ценное, что было сделано за сорокалетие исследователями, — покажет будущее. Но и теперь очевидно, что у нашего литературоведения есть история, есть свой нестареющий фонд. Таков первый вывод, естественно возникающий при самом общем знакомстве с трудом «Люди и книги».

Рецензент освобожден в данном случае от обязанности раскрыть то новое, что несет исследование науке. Почти все, что мы прочли в «Людах и книгах», уже известно в той или иной мере читателю, причастному к науке о литературе, многие меткие наблюдения уже повсеместно признаны, вошли в научный обиход, и нас уже нельзя поразить новизной большинства открытий. В свое время мы успели познакомиться

* К. Чуковский, Люди и книги, Гослитиздат, М. 1958, 543 стр.

и с тонким проникновением в тайнопись «Трудного времени», и с глубоким анализом ленинских высказываний о Некрасове; нам надолго запомнились яркие творческие портреты Н. Успенского, В. Слепцова, А. Блока и многое другое. Чем же тогда привлекает эта книга, которую и сейчас нельзя читать, оставаясь равнодушным?

Не один литературовед, начинающий или уже признанный, задумается о своем творческом методе, знакомясь с исследованием «Люди и книги». Пусть оно не решает кардинальных вопросов нашей литературной науки, не прокладывает магистральных путей в теоретических знаниях. Но при раскрытии любой проблемы, общей или частной, касающейся творчества художника или отдельного произведения, облика писателя в целом или одного из моментов его биографии, исследователь зовет к смелому дерзанию, пристрастному отношению к установившимся оценкам и выводам, к открытию нового. Казалось бы, что все это истины, не требующие доказательств, что без этого немыслима подлинная наука. Но ведь не секрет, что немало еще у нас выходит догматических книг и статей, пережевывающих старое; в них поражает робость мысли, стремление спрятаться за общеизвестным, оградить себя им. Причем и критика нередко берет мерилом своих суждений это общеизвестное, пугаясь свежих выводов, давая завышенные оценки заурядным, серым, хотя внешне как будто бы и благополучным, «правильным» книгам.

Одна из причин долголетия историко-литературных очерков, вошедших в сборник «Люди и книги», в том, что каждый из них вносит в конкретную область литературной науки новое, преодолевает «штампованные мысли» и «закостенелые оценки», как сам автор в обращении к читателю определил пафос своей книги. И никто не посмеет упрекнуть его в нескромности.

Но преодолеть штампованную, неверную мысль — это еще не значит сделать все. Важно обосновать новое суждение, избежать схематизма в собственных выводах... К. Чуковский дал сборнику статей очень точное название: эта книга не только о художественных произведениях, но и о людях, которые их создают. На поверхностный взгляд может показаться, что автора в первую очередь привлекают натуры сложные, с противоречивой психологией. Но это не так. Без сомнения, под пером К. Чуковского и писатели, прожившие внешне спокойную, безмятежную жизнь, выглядели бы сложными, противоречивыми, потому что преодоление закостенелых догм неизменно сочетается у него с неприязнью к схеме, с желанием нарисовать живой, многогранный облик человека. Вместе с тем бесспорно, что его главный интерес сосредоточен на драматической эпохе 50—60-х годов, когда революционная ситуация не завершилась революционным исходом, на полной драматизма судьбе людей этой эпохи — Н. Некрасова, В. Слепцова, Н. Успенского, на глубокой драме больших талантов позднейшего периода — А. Блока, Л. Андреева.

Символическим в некоторой степени является соседство статей о Н. Успенском и Слепцове. Как часто в исследовательских работах видишь перечень — «писатели-демократы — Н. Успенский, Левитов, Слепцов, Помяловский и др.», вслед за которым перечисляются общие, уравнивающие этих прозаиков достоинства или недостатки. А ведь это разные люди, с индивидуальными жизненными судьбами, своеобразными творческими почерками. И это отлично показывает К. Чуковский. Он дает в каждом отдельном случае без прикрас и без утайки подлинную жизнь, сложный идейный и творческий облик писателей с их сильными и слабыми сторонами. И в результате Н. Успенский — уже не ходячая схема радикала-разночинца, а живой образ писателя в его взлетах и падениях.

Безошибочный эстетический вкус позволяет исследователю подметить неповторимые, именно данному писателю свойственные особенности художественной манеры. Писателям-разночинцам 60-х годов приписывали пренебрежение художественной формой, утверждали, будто бы они не заботились об отделке своих произведений. На примере Слепцова, этого типичного писателя-демократа, К. Чуковский показывает нам «художника чистейшей воды», подмечая характерные черты его стиля, убедительно раскрывая настоящий артистизм этого незаурядного мастера слова. Гончаров писал о своем творческом методе: «Образы так образы: ими и надо говорить»¹. Заштамповав это известное высказывание, литературоведы стали огульно противопоставлять ему писателей-демократов, указывая на активную роль автора в их произведениях, на обилие рассуждений, интонации гнева и протеста. Действительно, Помяловский, например, не мыслит художественного изображения без авторского вмешательства, без гневного осуждения уродливого явления. Для Левитова, наоборот, характерен лиризм и патетика, апелляция к чувству. Слепцов же не высказывает своих чувств, его авторская речь спокойна, он целиком доверяется создаваемым им образам. Он, как и Гончаров, мог бы сказать о своем творчестве: «Образы так образы: ими и надо говорить». Так и исследователь, классифицируя и обобщая, никогда не должен забывать о том, насколько индивидуален предмет его изучения, и не подгонять самобытное проявление таланта под схему, какой бы многообещающей она ни была.

«Тема денег в творчестве Некрасова»... Поэтический материал в его подавляющей массе давал все основания для вывода: Некрасов неустанно разоблачал меркантильные интересы, губительную власть денег. Но исследователь неожиданно сталкивается с необычайными строками в стихах 40-х годов, где поэт выступает как бы защитником «деньголюбия». Казалось бы, это случайность, не заслуживающая особого внимания. Но подлинный исследователь не может так легко себя успокоить. И он смело идет навстречу противоречию, в результате исследования находя закономерное объяснение этим стихам, открывая новую, важную страницу в поэтическом творчестве Некрасова 40-х годов. Он убедительно доказывает, что в основе некрасовских стихов лежала прогрессивная для эпохи идея, восходящая к взглядам лучших людей той эпохи, в частности к воззрениям Белинского.

Преодоление штампа и схематизма — очевидные достоинства очерков К. Чуковского — с большой силой сказываются и в исследованиях о художественных произведениях, и в тех работах, где дается портрет писателя, вне зависимости от того, дорог ли он нам (Чехов), или наше отношение к нему определяется его принадлежностью к стану идейных противников (Дружинин).

У нас редко говорят о мастерстве литературоведов. А жаль. Если бы фиксировалось внимание на этой стороне литературоведения, меньше выходило бы сырых, недоработанных книг, написанных без души, суконным языком, а критика была бы суровее в их оценках. Книга К. Чуковского является поучительным примером и в этом аспекте. Часто слышишь: «Недостатки книги (статьи) искупаются обилием материала, большим количеством фактов». Но за этим «обилием» и «большим количеством» скрывается безразличие автора к форме, спешка. В «Людах и книгах» бесспорна эрудиция автора, его настоящий, большой труд в разыскании первоисточников и вместе с тем читатель очень легко проходит сквозь лабиринт фактов, следя за ходом

¹ И. А. Гончаров, Литературно-критические статьи и письма, Л. 1938, стр. 160.

исследовательской мысли, выводами. Потому что факты для автора — это строительные леса, которые он с поверхности тотчас же убирает, как только внутренний голос подсказывает ему: здание построено, отделка завершена.

Литературоведение — не только наука, но и искусство. Настоящий литературовед — всегда немного художник в душе, и это мы ощущаем в лучших наших исследовательских работах о литературе. Иначе и быть не может, ведь сам объект исследования здесь — искусство. С полным правом можно говорить об искусстве К. Чуковского-литературоведа, о синтезе в его статьях научной точности, преклонения перед фактом и — художественной фантазии. Что такое работа о Чехове? Исследовательская статья? Да, бесспорно. Горы литературы проштудированы, взвешены противоречивые факты, — в итоге такой сложный и в то же время простой образ художника неистощимых творческих сил, глубоко национального в чертах характера, человека могучей воли, вся жизнь которого — подвиг. Кажется, что так мог написать только современник Чехова, знавший его лично и постоянно общавшийся с ним. И вместе с тем, вероятно, не смог бы, потому что образ Чехова в статье — результат той своеобразной научной типизации, которая лежит в основе настоящего литературоведения.

А рядом со статьей о Чехове — очерк о Леониде Андрееве, уже целиком построенный на фактах личного знакомства и встреч, принадлежащий к жанру воспоминаний. Едва ли мы знаем другие мемуары, где бы так впечатляюще была показана драма этого талантливоего русского писателя, жившего как бы в пустыне, погибшего из-за своей отрешенности от живой действительности (какой контраст Чехову!) в сетях декаданса.

Статья о Блоке вырастает из органического слияния исследовательского и мемуарного начал. Что и говорить, живой трагический образ большого поэта с его тоской о прекрасной жизни, с его отчаянием и думами о гибели всей вселенной и любимой им России, поэта, приходящего в конце концов к признанию великой революции.

Живыми в книге выглядят не только писатели, но и годы, время, в которые они жили. Это прежде всего касается 50—60-х годов. И каким оправданным кажется интерес к таким второстепенным личностям, как пресловутый Ростислав (Феофил Толстой) или теоретик «чистого искусства» Дружинин. В первом случае через историю личности перед нами раскрывается один из эпизодов деятельности Некрасова как блестящего журналиста, редактора, его многотрудная борьба с реакцией. Во втором — немаловажные особенности напряженной идейной борьбы, развернувшейся в русской литературе в 50—60-е годы, одна из первых страниц биографии и творчества русского гения Льва Толстого.

Отдавая дань традиции, мы должны сказать и о недостатках книги. За последнее время (в частности, и в статьях, связанных с дискуссией о реализме) установилась точка зрения, согласно которой натурализм русской литературе был чужд. Однако этим самым не снимается вопрос о натуралистических тенденциях. Они присущи, в частности, творчеству Н. Успенского даже в лучшие его годы. И не только в передаче крестьянской речи, быта и пр., но и в более общем плане. Образ крестьянина в его рассказах-очерках был нарисован односторонне. О бунтарстве русского мужика, выделившего из своей среды Разина, Пугачева, Н. Успенский, ничего не сказал. Чернышевский в статье «Не начало ли перемены?» вынужден был поправить писателя. Натуралистические тенденции у писателей-демократов 60-х годов проявлялись по-разному. О них нет нужды умалчивать. К. Чуковский обходит эту проблему в статьях о молодых демократических писателях 60-х годов. Не избежал автор и не-

которых увлечений. Так, он утверждает, будто бы Слепцов единственный из всей плеяды прозаиков обладал талантом публициста. Достаточно назвать Помяловского, с блеском проявившего свой публицистический талант хотя бы в «Очерках бурсы», чтобы убедиться в неоправданности этого суждения.

В ряде своих очерков автор учел позднейшую литературу, сделав в примечаниях ссылки на нее. Хочется высказать сожаление, что это не коснулось статьи о Чехове, кстати сказать, являющейся интересной заявкой на книгу о великом драматурге и новеллисте. Лживая легенда о Чехове, слабом, безвольном, аполитичном писателе, создававшаяся в дореволюционной критике, была развеяна усилиями всего советского литературоведения, а не только автором «Людей и книг». К. Чуковский почему-то останавливается лишь на работах 20-х годов. Между тем в позднейшей литературе мы знаем ряд исследований, по-новому прочитавших Чехова. Нельзя также забывать и о заслугах МХАТа, его великих основателей, своей трактовкой чеховских пьес немало сделавших для ниспровержения ложных концепций о Чехове, его идеалах, образах.

В статье «Тема денег в творчестве Некрасова» дана односторонняя характеристика 40-х годов. Сороковые годы в нашем представлении — это прежде всего эпоха Белинского, Гоголя, Лермонтова, «натуральной школы», пора напряженной работы пытливейшей исследовательской мысли. Автор же слишком увлекся, рисуя внешнюю картину эпохи (поток обывательщины, засилье пошлых водевилей, меркантильные интересы), и читателю неясно, почему Белинский в этой картине оказался «где-то на задворках» (стр. 315), когда он-то, в сущности, и определял лицо своего времени.

Далее. Если Чернышевский должен был еще доказывать, что «чистое искусство» лишь на словах является искусством для искусства, на самом же деле преследует определенные политические цели, то автору рецензируемой книги вряд ли стоит угрекать советских литературоведов, именующих Дружинина приверженцем искусства для искусства, в том, что они тем самым говорят не о главном, а второстепенном в его теории. Когда литературовед называет Дружинина теоретиком искусства для искусства, этим он указывает на охранителя устоев, противника передовых идей, и не вкладывает в свои слова иного смысла.

Дело, однако, не в мелких недостатках. Ищущая исследовательская мысль, преодолевающая штамп и открывающая новое, счастливо избегая схемы, добросовестность ученого, взвешивающего все факты за и против, мастерство литературоведа-художника, все время помнящего о том, что предмет его изучения — искусство, вот те причины, которые позволяют видеть в труде К. Чуковского книгу на многие годы.

Н. ЖДАНОВСКИЙ

О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДРАМЕ ЧЕХОВА И ТОЛСТОГО *

На первой же странице работы В. Лакшина справедливо указано на те возможности, которые таит в себе сравнительный способ изучения литературных явлений, теоретически заостренное сопоставление творчества разных авторов: «Сравнительный анализ, опирающийся на конкретно-историческую основу, дает возможность

* В. Я. Л а к ш и н, Искусство психологической драмы Чехова и Толстого. «Дядя Ваня» и «Живой труп», Изд. МГУ, 1958, 86 стр.